

УДК 811.1/8

DOI: 10.17223/19986645/50/3

Т.А. Демешкина, И.В. Тубалова

ДИАЛЕКТНЫЙ ДИСКУРС КАК СФЕРА РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: КОНСТАНТЫ И ТРАНСФОРМАЦИИ¹

В статье предлагается модель анализа диалектного дискурса, разработка которой базируется на выявлении факторов формирования диалектной культурной специфики: (1) локальность; (2) региональность; (3) темпоральность. Диалектная специфика определяется на фоне общенациональной культуры. Ее описание – результат обобщения диалектологического исследовательского опыта. Применение данной модели позволяет выявить общекультурные (не зависящие от действия обозначенных факторов) константы русской национальной культуры и собственно диалектные культурные смыслы – как результаты ее трансформации.

Ключевые слова: диалектная культура, диалектный дискурс, диалектологические исследования, локальность, региональность, темпоральность.

Исследование констант и трансформации народно-речевой культуры в современных условиях, выявление степени сохранения ее ментальных доминант, характера межязыкового и межкультурного взаимодействия вписывается в круг актуальных проблем современного гуманитарного знания.

Актуальность решаемой проблемы связана с возрастающим интересом мировой науки к исследованию национальной и территориальной культурной идентичности, что требует многостороннего ее изучения, в том числе с лингвистической точки зрения. Эффективным инструментом решения поставленной проблемы является обращение к диалекту как уникальному культурному и гносеологическому феномену, представляющему собой одновременно и памятник культуры, и живую основу национально-языкового развития.

Лингвистическое исследование культурных констант и трансформаций как решение проблемы объективации культурно значимых смыслов

Проблема объективации культурно специфического содержания представляется актуальной для различных гуманитарных исследований XX–XXI вв. (см., например, объемный перечень работ в [1]). Идея его отражения посредством языка достаточно активно обсуждается в современной лингвистике. В фокусе исследовательского внимания оказываются реестры выражаемых языком культурно значимых смыслов, выявляемых в пределах отдельных типов культур, анализ этих смыслов в аспекте межкультурной эквива-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02043).

лентности, выявление культурно неспецифического компонента в содержании языков, а также формы их лингвистической репрезентации.

Среди наиболее ранних результатов такого поиска – известный «список Сводеша» ([2, 3] и др.), формирование которого направлено на выявление «универсальных» в содержательном отношении лексических единиц языков мира ([4, 5] и др.). В нем представлена «базисная» лексика языка «в противовес культурной лексике, часто заимствуемой из языка в язык» [6. С. 780].

Одна из наиболее востребованных в лингвистике – концепция А. Вежбицкой, противопоставляющая проявление в языке объективированных культурно неспецифических смыслов («семантические примитивы») и результатов их культурно обусловленной субъективизации («культурные концепты», «ключевые слова культуры») ([7, 8] и др.).

С установкой на выявление различных аспектов динамики культурно обусловленного содержания связано обращение исследователей к понятию **культурной константы**. Методологические основы его использования заложены в работах Ю.С. Степанова [9, 10], предлагающего два понимания культурной константы: (1) «концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [10. С. 84]; (2) «некий постоянный принцип культуры» [Там же].

Идеи Ю.С. Степанова нашли продолжение в ряде работ отечественных лингвистов (см., например, [11–14] и др.).

Итак, методология обращения к культурным смыслам в лингвистике связана, во-первых, с проблематикой противопоставления культурно обусловленных элементов языка его элементам, которые «должны быть универсальными и не относиться к каким бы то ни было областям «культуры»» [2. С. 38] («список Сводеша», «семантические примитивы» А. Вежбицкой и др.), а во-вторых, с проблематикой противопоставления культурно специфических смыслов культурным универсалиям («культурные концепты», «ключевые слова культуры» А. Вежбицкой, «культурные константы» Ю.С. Степанова и др.).

В представляемом исследовании мы рассматриваем культурно значимые смыслы в контексте второго подхода, ориентируясь в первую очередь на методологическую концепцию Ю.С. Степанова.

Рассмотрим понятия культурных констант и трансформаций в обозначенном аспекте.

Обращение к понятию культурной константы обусловлено двумя гносеологическими установками, соответствующими двум его пониманиям в трактовке Ю.С. Степанова: (1) идея разнообразия культур, фокусирующая внимание на проблемах их иерархии (например, общечеловеческая культура – национальные культуры – культуры городские и сельские); положения отдельной культуры в инокультурном окружении, межкультурного взаимодействия, а также (2) идея регулирования человеческого поведения (в том числе речевого) выработанными в рамках данной культуры константными принципами.

В рамках первой установки понятие культурной константы совпадает с понятием культурного инварианта смысла, различным образом реализуемого в разных культурах: **«Константами** в культурах являются некоторые параметры, определяющие возможность наличия человека как существа, стремя-

щегося к **истине**, обладающего знанием **добра** и чувством **красоты**. <...> Сами константы могут применяться, лишь разуниверсализируясь через их концептуализацию (в этом смысле субъективацию). И в разных культурах таковые константы должны быть различными вариантами реализации культурных инвариант. Потому представления об истине, добре и красоте должны быть в культурах разными» [15. С. 6].

В рамках второй установки культурная константа – это «...та призма, сквозь которую человек смотрит на мир, в котором должен действовать. Основные парадигмы, определяющие возможность и условия действия человека в мире, вокруг которых выстраивается в его сознании вся структура бытия» [12. С. 11].

В онтологии культурно обусловленного существования человека (в том числе его дискурсивного существования) реализуются оба понимания культурной константы. Человеческое поведение (в том числе речевое) регулируется на основании специфики конкретного типа культуры, определяемой ее положением в культурной иерархии, характером влияния иных культур. Дискурсивные практики как разновидности культурных практик отражают результаты такого регулирования. Именно в реализующих определенную культуру дискурсах отражаются константные смыслы и принципы мировидения данной культуры, результаты их **адаптации к процессам внутрикультурного развития**, а также результаты **усвоения константных смыслов и принципов мировидения иных культур**, вступающих с данной культурой в отношения взаимодействия.

Таким образом, анализ культурных констант неразрывно связывается с анализом **трансформаций** культурно значимых смыслов, реализуемых в связанных между собой процессах внутреннего развития данной культуры, осуществляемого под влиянием взаимодействия с другими культурами. Такой анализ может быть проведен на основании (1) сопоставления результатов анализа дискурса, продуцируемого на разных этапах развития конкретной культуры; (2) сопоставления результатов анализа дискурсивных практик, продуцируемых данной культурой, с результатами анализа дискурсивных практик иных культур, вступающих с данной культурой в онтологическое взаимодействие.

Постановка проблемы. Материал, метод

Проблематика данной статьи связана с описанием методологических установок когнитивно-дискурсивного анализа, направленного на выявление специфических смыслов, которые формируются диалектной культурой как особым типом культуры, существующим в рамках культуры общенациональной.

Объектом такого анализа является дискурсивная форма реализации диалектной культуры (диалектный дискурс), предметом – проявленные в речевой деятельности носителей диалекта константные смыслы общенациональной и диалектной культуры, их динамические трансформации, а также трансформации инокультурных смыслов, усваиваемых данной культурой.

Цель статьи – на основании обобщения диалектологического исследовательского опыта представить модель анализа диалектного дискурса, основанную на факторах формирования диалектной культурной специфики на фоне общенациональной культуры.

Материалом для статьи послужили записи диалектной речи русских старожилов Среднего Приобья, выполненные в период с 1946 г. по настоящее время и хранящиеся в лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета (<http://losl.tsu.ru/>), а также исследования томских диалектологов (в том числе авторов статьи), выполненные в русле обсуждаемого подхода с опорой на эти материалы. Кроме того, были привлечены материалы диалектного подкорпуса Национального корпуса русского языка [16].

При реализации описываемой модели анализа в качестве основного используется когнитивно-дискурсивный подход. Дискурс при таком подходе рассматривается как культурно обусловленная вербально ориентированная форма существования типового субъекта, реализуемая в совокупности особых культурно-речевых практик.

Когнитивно-дискурсивный подход в силу его междисциплинарности достаточно широко используется в культурологических исследованиях при анализе различных сфер дискурсивного осуществления культуры [17, 18].

Значимость рассматриваемого подхода к исследованию культуры, специфика его применения становятся в современных гуманитарных исследованиях предметом отдельного обсуждения ([1, 19] и др.). Так, Е.А. Кожемякин подчеркивает, что «этот подход не пересматривает базовые представления о культуре, к чему часто прибегают многие неклассические методологические схемы анализа, а синтезирует и развивает их, несколько меняя акценты в содержании понятия культуры и обнаруживая новые связи между его аспектами» [1. С. 3–4]. Возможность применения данного подхода исследователь объясняет онтологией существования современного человека, который «живет преимущественно в дискурсивной, а не предметной реальности, т.е. в мире конструируемых ценностей и смыслов, а не вещей и фактов; в мире зависящих от контекста конвенций, а не универсальных норм; в мире знаков, а не предметов, которые они обозначают» [1. С. 4], и поэтому именно обращение к анализу дискурса позволяет обнаружить специфику культуры, реализуемой в исследуемом коммуникативном пространстве («...культура в значительной степени сегодня бытийствует в дискурсивной форме и требует соответствующей методологии её изучения» [Там же]).

Гносеологическое обоснование применения рассматриваемого подхода к анализу культуры представляет Е.В. Переверзев, обнаруживая пересечение в понимании дискурса М. Фуко с пониманием культуры, заданным, например, в работах К. Гирца, где культура – «набор контрольных механизмов – планов, рецептов, правил, инструкций, т.е. того, что в компьютерной инженерии называют «программами», – управляющих поведением» [20. С. 53] (цит. по: [19]).

Значительная часть культурных практик предстает в виде практик дискурсивных, и каждому типу культуры соответствует определенный набор таких практик, отражающих его специфику. В связи с этим при анализе спе-

цифики культуры определенного типа органичным представляется обращение к лингвистическим методам в рамках методологии когнитивно-дискурсивного анализа (сформулированной Е.С. Кубряковой [21]), позволяющим обнаружить в функционировании определенных лингвистических форм экстралингвистические принципы существования конкретной культуры.

Анализ констант и трансформаций русской диалектной культуры в рамках когнитивно-дискурсивного подхода осуществляется с учетом следующих ее особенностей:

- 1) положение в общечеловеческом/национальном культурном контекстах, определяющее характер усваиваемых инокультурных смыслов;
- 2) особенности ее внутренней организации, выражающиеся в особых формах и принципах социального (в том числе дискурсивного) взаимодействия ее носителей, специфике дискурсивных картин мира¹, их ценностного содержания, а также в наличии особых принципов внутрикультурной адаптации инокультурных смыслов.

Диалектный дискурс. Определение понятия. Подходы к анализу

Специфика сельской культуры является предметом отдельного изучения культурологических исследований, в которых данный тип культуры последовательно противопоставляется культуре городской ([23, 24] и др.).

Понятие «диалектная культура» трактуется в данной статье как «культура носителей диалекта», и, учитывая лингвистическую составляющую термина «диалект» (форма существования национального **языка**), предполагает фокусировку на специфике культуры, отражаемой в ее речевых проявлениях. В российской исследовательской лингвистической традиции диалект традиционно понимается как устная, территориально ограниченная речь именно **сельского населения** (см. работы отечественных диалектологов [25–34], а также материалы диалектного подкорпуса Национального корпуса русского языка [16]). В мировой лингвистике существует и другое понимание термина «диалект», используемое для фиксации языковых различий на разных территориях, включающих большие регионы, куда входят города и села (см., например, материалы 7-го конгресса Международного общества диалектологии и геолингвистики [35]). В отечественной лингвистике в аналогичном содержании используется термин «региолект» [36]. Таким образом, понятие «диалектная культура» в отечественной исследовательской традиции входит в понятие «сельская культура» как ее ядерная часть.

В качестве значимой формы реализации существования диалектной культуры рассматривается **диалектный дискурс**.

¹ Под дискурсивной картиной мира понимается «динамическая подвижная система смыслов, формируемая в координируемых коммуникативных действиях адресантов и адресатов в соответствии с системой их ценностей и интересов и включенных в социальные практики» [22. С. 43].

Само понятие диалектного дискурса не представляется однозначным. Большинство исследователей, обращаясь к нему, фокусируют внимание на специфике повседневных коммуникативных практик диалектоносителя (как его типового субъекта), реализованных на основании единства ценностной направленности его дискурсивного мышления. Так, Г.В. Калиткина указывает на то, что «диалектный дискурс скреплен главным образом смыслами и семантическими отношениями повседневности, она же объединяет его тексты в коммуникативном и функционально-целевом отношении. Диалектный дискурс рассматривается <...> как сфера обыденного смыслополагания, неотделимого от эмоций и оценок, а диалект – как инструмент повседневных интерпретаций» [37. С. 3]. Полностью соглашаясь с представленным положением, добавим, что практики диалектного дискурса реализуются не только в форме обыденной разговорной речи, но и в форме эстетически обработанных фольклорных высказываний, отражающих единую ценностную систему диалектной культуры другим коммуникативным способом (отметим, что некоторые фольклорные высказывания, например пословицы, былички, органично встраиваются в обыденную диалектную речь), а также поговорки, присказки, цитируемые частушки... Такое дополнение основывается на понимании фольклора как коммуникативно ориентированной формы культуры, как естественной сферы осуществления человека в конкретной социокультурной реальности ([38–43] и др.), что предполагает наличие у каждого (в том числе диалектного) коллектива собственного корпуса фольклорных текстов и особых принципов обращения к ним. Дифференциация сельской и городской фольклорной традиции – предмет отдельного внимания фольклористики (см., например, [44–46]).

В рамках представляемой концепции мы рассматриваем диалектный дискурс в составе других дискурсов, реализующих русскую национальную культуру. Современные отечественные исследования диалектного дискурса, согласно вышеназванной традиции, в основном обращаются к его анализу в аспекте выявления особых принципов сельского речевого существования, подспудно сравнивая его с дискурсами городских жителей – носителей литературного языка ([27–29; 47; 48] и др.). При выявлении ядерного основания для дифференциации диалектного дискурса мы, следуя этой традиции, также рассматриваем его как форму существования русской диалектной культуры как культуры сельской, противопоставленной городской. Она представляет особый тип дискурсивной реализации русской национальной культуры. В рамках культуры этого типа выделяются варианты ее дискурсивной реализации, формируемые на основании специфики реально существующих сельских культурных пространств, встроженных в общую иерархию типов русской национальной культуры.

Каждая конкретная диалектная культура, **бытующая на определенной территории**, также находит отражение в особых дискурсивных практиках. В специфике дискурсивной картины мира отражается оценка диалектоносителем места своего проживания. Наличие отдельных научных наблюдений в этом аспекте определяется тем, что в основном диалектологи обращаются к материалу территориально (и культурно) четко очерченному.

Кроме того, диалектный дискурс подвержен **историческим изменениям**, что предполагает уточнение его временных границ. Исследование изменений диалектного дискурса, заданного темпоральной динамикой развития конкретной диалектной культуры, наименее востребовано диалектологами.

Каждый из выделенных аспектов является основанием для дальнейшей конкретизации типов диалектной культуры (и, соответственно, диалектного дискурса), представляя диалектную культуру как ее особую составляющую на разных основаниях. Соответственно, **аспекты определения границ диалектного дискурса** можно выделить, опираясь на положение Ю.С. Степанова о наличии двух наиболее значимых параметров динамики культурно обусловленного содержания – эволюционности и синхронной парадигмальности [10], а также с учетом онтологии типовых практик диалектного дискурса, в которых реализуются когнитивные установки его типового субъекта: (1) локальность; (2) региональность и (3) темпоральность. При этом локальность представляется базовым признаком диалектного дискурса, а региональность и темпоральность – признаками его разноаспектной дифференциации, каждый из которых по-особому уточняет его границы.

Локальность и региональность диалектной культуры могут быть представлены как факторы, определяющие специфику диалектного дискурса в аспекте синхронной парадигмальности культуры (по Ю.С. Степанову), которые мы выделяем, опираясь на положение о региональности/локальности культуры, выдвинутое Б.Н. Путиловым [49]. Продолжая эту логику, С.Ю. Неклюдов обращает внимание на то, что «региональность обусловлена спецификой хозяйственно-культурного и социоэтнического функционирования сообщества, а локальность как таковая связана с ячейкой общественной жизни (например, общиной), до известной степени замкнутой и имеющей целостную структуру сохранения и регулирования социального организма» [50. С. 19]. Темпоральность культуры рассматривается как фактор, определяющий специфику диалектного дискурса в аспекте ее эволюционности [10].

Содержание диалектной дискурсивной картины мира и принципы ее дискурсивной реализации мы рассматриваем сквозь призму противопоставления стабильности и динамики, выявляемым в соответствии с представленными аспектами дифференциации диалектного дискурса.

Включенность диалектной культуры в общенациональную предполагает выявление в диалектной дискурсивной картине мира общенационального культурного содержания и принципов его культурно обусловленной реализации (общерусских культурных констант), с одной стороны, и специфических диалектных смыслов и принципов их текстового воплощения, обусловленных **локальностью** исследуемой культуры (их трансформаций) – с другой. Разнообразии диалектных культур, функционирующих на разных территориях бытования общенациональной культуры, предполагает выявление общенационального и/или общего для всех диалектных культур содержания (общерусских и общедиалектных констант) и специфических смыслов конкретной диалектной культуры, определяемых ее **региональностью** (регионально обусловленные трансформации). Историческое развитие конкретной диалектной культуры предполагает выявление результатов изменения диалектной дис-

курсивной картины мира на разных этапах функционирования диалектного коллектива (**темпорально** обусловленные трансформации).

Таким образом, локальность, региональность и темпоральность можно рассматривать как факторы формирования культурной специфики диалектного коллектива, отраженной в диалектном дискурсе.

Модель анализа

Прокомментируем направленность действия выделенных факторов, охарактеризуем принципы их взаимодействия, приведем примеры их реализации.

(1) Локальность

Одним из наиболее значимых признаков диалектной культуры, определяющих специфику диалектного дискурса, является относительно замкнутый характер социальной ячейки ее носителей в отличие от городской. Безусловно, современные информационные системы оказывают на сельское культурное пространство значительное влияние. При этом диалектная социокультурная среда все же демонстрирует более высокий уровень гомогенности в сравнении с городской – в силу условий тесного повседневного общения, особого характера регулярной деятельности, специфики устройства жилища и других особенностей сельского существования.

Так, В.Е. Гольдин считает важнейшими факторами единства диалектной культуры ограниченность коллектива при единстве форм хозяйственной деятельности и принципиальную традиционность, ориентацию на прошлое [28]¹. В результате деревенский коллектив, например, оказывается слабо подверженным процессу распада на отдельные субкультуры, что, как отмечают многие исследователи, является характерным для современного городского культурного мира. На специфику диалектного дискурса влияет тип внутриколлективного взаимодействия – сельский, когда все друг друга знают и, отправляясь в магазин или на почту, обращаются не к представителям институциональных структур, а к конкретным личностям, все ведут общую (сходную) хозяйственную деятельность.

Фактором локальности определяются специфика дискурсивно обусловленного содержания диалектных концептов, специфика этикетного общения, ритуальных речевых действий, характер метатекстовых рефлексий, типы языковой личности и др.

¹ На фоне относительно целостного деревенского коллектива присутствуют особые типы сельских жителей – хранителей культурно-речевой традиции. В диалектном коллективе, как подчеркивает Т.И. Вендина, выделяются две генерационные группы: старики и дети [26. С. 48]. То, что информантами для собирателей диалектного материала выступают в основном представители старшего поколения деревни, объясняется не только особой словоохотливостью пожилого человека, делающей его «удобным» информантом. Именно представители старшего поколения чувствуют себя хранителями традиции и «контролерами» ее сохранения и трансляции, в наибольшей степени сосредоточенными на ее специфике, и именно они проявляют в процессах разговорного общения культурно-традиционные особенности наиболее последовательно.

Приведем пример выявления результатов трансформации содержания диалектной дискурсивной картины мира, полученных на основании сопоставления с общенациональным содержанием соответствующего культурного смысла.

В качестве результата трансформации общенационального концепта ГРЕХ (как культурной константы) в диалектном дискурсе можно рассматривать его специфический компонент, выявленный Л.Г. Гынгазовой [51]. На основании сравнения результатов его реализации в текстах диалектной языковой личности и данных о его содержании в русском религиозном сознании [52] автор обнаруживает целый ряд различий, среди которых концептуализация души вне соотнесенности с Божественным началом [51. С. 16], фокусировка на тех аспектах нарушения божественного закона, «которые в традиционной культуре весьма устойчивы и во многом определяют жизненный уклад» [Там же. С. 17], нечеткость «границы, отделяющей законы, данные Богом, от установлений, исходящих от человека» [Там же. С. 18], и др.

Подобные результаты обнаруживаются при анализе других диалектных концептов, рассматриваемых в таком аспекте [32, 37, 53, 54].

Дискурсивно обусловленную специфику принципов организации диалектной дискурсивной картины мира можно проиллюстрировать примерами, отражающими особую целостность диалектного культурного мира (определяемую его **локальностью**), проявляющуюся в пониженной, в сравнении с городской культурой, дифференцированностью внутренних диалектных речевых практик, что соответствует единству реализуемых в них ценностных систем.

Наиболее ярко это можно показать на примере интеграции бытовой речи и фольклорной (подробно об этом см. в работе [42]). В диалектных записях регулярно фиксируются «растворенные» в обыденной речи фрагменты фольклорного текста.

В речевой культуре носителей литературного языка последовательно дифференцируются принципы организации различных речевых сфер, в том числе фольклорной и обыденно-бытовой. В результате обращение к фольклорным ценностям, реализуемое через переход к фольклорному регистру текстопорождения, в большинстве случаев особым образом маркируется, в основном через номинирование его жанровой формы. Для примера приведем контекст, автором которого является носитель литературного языка: [*об отношениях со свекровью:*] Ну, придумала она там что-то – и фиг с ней! Все равно **ночная кукушка дневную перекукует**. Вот и кукуй себе, кукуй! Все-таки правильная это поговорка! (РРТ¹). Маркирование обращения к фольклорному регистру реализуется не только через номинирование жанра (поговорка), но и через экспликацию жанровой установки цитируемой пословицы (Все-таки правильная это поговорка!).

В диалектном дискурсе в значительно меньшей степени выражена рефлексия носителей языка, связанная с осмыслением перехода к фольклорному регистру, использованием его материалов, что, в частности, проявляется в отсутствии метатекстовых рефлексивных показателей. Приведем пример из

¹ Из записей городской разговорной речи, выполненных авторами в г. Томске.

диалектного подкорпуса Национального корпуса русского языка [16], где информант буквально «разговаривает цитатами», нейтрализуя цитатную сущность привлекаемого песенного текста: *Бывало в праздник тоже сидим с матерью-то, а никого-то нету, она со мной рядом, своё разговорились, та за свою за жизнь, а я ей и говорю: «Буду вечно обижаться на свою родимую, да уродила девушку какую несчастливую». А она: «Ой, ты уж это бы мне не говорила, и так сердцу тяжело от тебя». Я уж часто ей-то говорила: «Зачем маменька родила на такое горюшко, да лучше родная меня спустила в буйно морюшко». – «Ой, девка, не говори, не говори». Как раздумаю, так вот это когда сижу, да и сама-то про себя и стану складывать. Какая жизнь идёт дак, так и говоришь. Я ить такие песни не пою, а от чо придумаю, что как живу да как трудно, дак всё это и правда [16]. Четко осознавая песенную природу использованных высказываний (Я ить такие песни не пою), диалектоноситель тем не менее в ситуации повседневного говорения неоднократно маркирует их коммуникативную естественность (я ей и говорю; ты уж это бы мне не говорила; Я уж часто ей-то говорила; не говори, не говори; так и говоришь). Это указывает на естественность перехода к фольклорному регистру говорения, максимально высокий уровень личностного «присвоения» ценностного содержания фольклорного текста, а описываемое собственное эмоциональное состояние – как имеющее место «здесь и сейчас», ценностно окрашенное на основании единства бытовых и фольклорных принципов существования.*

Подобные результаты обнаруживаются в исследованиях жанровой системы диалектной коммуникации. Так, локальность диалектной культуры определяет специфику коммуникативной организации диалектного текста, в котором часто отсутствует тематическая часть, поскольку члены коллектива имеют значительную общую информационную базу [55].

(2) Региональность

Диалектная культура – это результат освоения человеком особого территориального пространства, определяемого спецификой природных условий бытования, геополитического статуса территории, межнациональных культурных контактов и под.

Региональность является фактором культурной трансформации, обладающим по отношению к фактору локальности вторичным статусом и реализующим специфику национальной культуры в конкретно-территориальных диалектных вариантах. Именно локальность диалектной культуры определяет особую фокусировку дискурсивно обусловленного содержания на специфике территории ее существования. Адаптация принципов сельского существования к специфике территории – еще один аспект трансформации диалектной культуры, отражаемой в ценностной системе диалектного дискурса.

Ценностно значимые для субъекта диалектного дискурса параметры культурной специфики определяются для каждой территории особо. Значимыми для любой территории являются проявления ценностной интерпретации природного мира и задаваемых его спецификой видов деятельности (например, для территории бытования среднеобских говоров – охота и рыбалка). Другие параметры получают на разных территориях различную степень актуальности. Так, для многих территорий ценностную интерпретацию приоб-

ретаёт этнический контекст. Отдельные параметры региональности оказываются для дискурсивной диалектной интерпретации практически уникальными.

Приведем пример территориально обусловленной трансформации культурной константы ДОМ в дискурсе среднеобских говоров, определяемой особенностями геополитического статуса Томской области как места ссылок.

В текстах старшего поколения диалектоносителей рассказ о молодости – одна из наиболее последовательно реализуемых гипертем. В большинстве случаев это рассказ о жизненных тяготах, которые им пришлось преодолеть. Так, в небольшом по объему (627 документов) диалектном подкорпусе Национального корпуса русского языка лексема «тяжело/тяжелый» имеет 52 вхождения, из которых 37 используются при реализации данной гипертемы. Безусловно, обращение к данной гипертеме определяется возрастными особенностями информантов, и среднеобский диалектный дискурс в этом плане не уникален. Если проанализировать ее конкретизацию в аспекте описываемых информантами причин жизненных тягот, то можно обнаружить, что большинство из них связаны с обстоятельствами войны, пришедшейся на время молодости, а также с тяжелой работой в колхозе.

Но содержательно эта тема конкретизируется здесь по-особому. Наряду с названными темами в текстах информантов частотно воплощается тема тягот переселения, что объясняется глобальным характером политически обусловленных миграционных процессов на данной территории (Томская область – известное место политической ссылки): *Меня сюда привезли. А везли-то в закрытых вагонах. В телячьих. Не выпускали на улку. Живу с 30-х годов, как от все были привезены. Тяжело было!* (СГ¹). Вытекающим из этого проявлением территориальной специфики культурного пространства является регулярно реализуемое в текстах среднеобских информантов-переселенцев восприятие территории собственного проживания как «чужой», враждебной, что не столько выражает отношение к суровым природным условиям Сибири, сколько является результатом реакции на политическое насилие. В крайних формах ее проявления номинации, реализующие концепт «дом», на протяжении многих лет сохраняется за территорией прежнего проживания, символизирующей счастливую, гармоничную жизнь: *Мы-то жили там дома, в деревне хорошо. А тут до сих пор холодина! <...> Дома как увезли нас, так до сих пор и не бывала / Вся-то жись моя хорошая дома осталась* (СГ).

Фактором региональности детерминируется набор концептов, характерных для сибирской культуры. В среднеобских говорах это концепты *ссылки*, *каторги*, а также содержательные установки на поиск собственной идентичности через противопоставление своей культуры и культуры исконного (тюркского) населения Сибири, с одной стороны, и культуры русского населения европейской части России – с другой [56].

¹ СГ – здесь и далее: записи текстов, собранных в рамках экспедиций студентов и сотрудников Томского госуниверситета в районы бытования среднеобских говоров (60–80-е гг. XX в.).

(3) Темпоральность

Особый фактор трансформации диалектной культуры связан с темпорально обусловленной динамикой жизни сельского коллектива. Такая динамика встраивается в общую логику развития человеческой культуры в целом и национальной культуры в частности, изменения социокультурных (в том числе дискурсивных) практик носителей отдельного диалекта в соответствии с общим развитием русского национального культурного пространства. В результате ценностная система диалектного дискурса также меняется под влиянием такого развития.

Темпоральность рассматривается нами, прежде всего, как необходимый параметр при выявлении трансформаций диалектной культуры по отношению к самой себе (внутрикультурных трансформаций). Эволюция внутрикультурного содержания может иметь разные временные границы. Вместе с тем трансформация осуществляется под влиянием глобальных процессов, происходящих в мировой культуре. Это касается разных сфер жизни диалектоносителей, проявляется в смене стереотипов, ценностных установок и т.д.

Фактор темпоральности также напрямую связан с фактором локальности диалектной культуры как ведущим: многие изменения дискурсивной картины мира определяются частичным расшатыванием ее границ под влиянием процессов глобализации. Кроме того, хотя отслеживание его реализации возможно на любом – независимом от конкретной территории – материале (вне учета фактора территориальности), наиболее выпукло этот фактор проявляется при сопоставлении разновременных срезов диалектного дискурса, реализованных в едином территориальном пространстве.

Рассматривая фактор темпоральности как один из параметров описания культурных трансформаций, мы сталкиваемся с вопросом методологического характера: каковы должны быть хронологические рамки, достаточные для выявления внутрдиалектных культурных констант и трансформаций? По определению Ю.С. Степанова, на статус константы может претендовать концепт, «существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [10. С. 84]. На материале среднеобских говоров динамика изменений отдельных концептов прослеживается исследователями с 1946 г. по настоящее время. Временные рамки определяются, с одной стороны, тем, что именно с этого времени ведется системное изучение среднеобских говоров и в распоряжении исследователей имеется большой объем материала, включающий речь старожилов, родившихся в начале двадцатого века и отчасти в конце девятнадцатого и ставших очевидцами всех драматических событий, происходивших в стране в этот период. С другой стороны, в связи с этим представляется необходимым при разработке метода описания культурных констант учесть замечание Ю.С. Степанова о том, что смыслы, образующие концепт, возникают в разное время и что «историческое время, «хронология», вообще не играет при этом роли. Важны лишь ассоциации сложения гармонизирующих друг с другом идей (в концептах – «семантических признаков»)» [Там же. С. 81]. Как показали наблюдения диалектологов, важным фактором является не только временная протяженность «жизни» концепта, но и «спрессованность» событий в тот или иной период (раскулачивание, война, перестройка и

др.). По сути, это положение лежит в основе методики анализа многих ключевых концептов диалектной культуры в их исторической динамике.

Таким образом, имеющийся в исследовательском арсенале материал записей среднеобских говоров способен показать культурно обусловленные трансформации, отраженные в диалектном дискурсе.

В качестве примера анализа дискурсивных трансформаций территориально конкретной диалектной культуры можно привести исследования томских диалектологов. Так, Л.Г. Гынгазовой и Е.В. Иванцовой выявлены результаты трансформации дискурсивного отражения сибирской пищевой традиции, произошедшие под влиянием уменьшения доли продуктов натурального хозяйства при увеличении набора покупного продовольствия, модификации способов приготовления пищи (появление механизмов для ее приготовления), сокращения роли религиозного и обрядового начала в крестьянской культуре и под. [57].

Все аспекты дифференциации диалектного дискурса тесно взаимодействуют. Так, его историческое развитие во многом определяется изменением характера влияния городской культуры на сельскую и т.д.

Выводы

Таким образом, диалектный дискурс, рассматриваемый как одна из сфер реализации национальной культуры, отражает специфику этой сферы, реализующуюся в особенностях дискурсивной картины мира, принципах ее внутренней организации и логике речевого представления.

Реализованная в диалектном дискурсе специфика диалектной культуры может быть описана с учетом его особого положения в системе национально-культурно обусловленных дискурсов, что предполагает отражение в нем моментов культурного единства (констант) и собственно-диалектной культурной специфики (трансформаций).

Представленная модель анализа диалектного дискурса основывается на следующих факторах формирования специфики диалектной культуры: (1) локальность, (2) региональность и (3) темпоральность.

Базовой характеристикой диалектной культуры является локальность, определяющая ее специфику как варианта русской национальной культуры в целом и формирующая особенности дискурса ее реализации. Региональность и темпоральность проявляются как аспекты, определяющие внутреннюю вариативность диалектной культуры и диалектного дискурса соответственно.

Реализация данной модели анализа позволяет выявить виды трансформации русской национальной культуры в диалектном варианте ее реализации. При этом диалектная культура, во-первых, предстает в совокупности конкретных территориальных вариантов, каждый из которых демонстрирует трансформации русской национальной культуры особым образом, а во-вторых, динамически изменяется со временем, отражая общую логику темпорального изменения русской национальной культуры.

Анализ диалектного дискурса на основании данной модели позволяет выявить общекультурные (не зависящие от действия обозначенных факторов) и

собственно-диалектные культурные смыслы, а также принципы их организации.

Литература

1. *Кожемякин Е.А.* Концептуально-методологическое обоснование дискурсивной формы бытия культуры: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Белгород, 2009. 39 с.
2. *Сводеш М.* Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 23–52.
3. *Сводеш М.* К вопросу о повышении точности в лексикостатистическом датировании // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 53–87.
4. *Саенко М.Н.* Метод общих инноваций в списке Сводеша как способ определения степени языкового родства // Вестн. СПбГУ. Сер. 9. 2015. Вып. 1. С. 124–136.
5. *Kassian A., Starostin G., Dybo A., Vasily Chernov V.* The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification // Journal of Language Relationship. 2010. № 4. P. 46–89.
6. *Старостин С.А.* О доказательстве языкового родства // Труды по языкознанию. М., 2007. С. 779–793.
7. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1996. 416 с.
8. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
9. *Степанов Ю.С., Проскурин С.Г.* Константы мировой культуры: Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М.: Наука, 1993. 160 с.
10. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
11. *Сандомирская И.* Книга о родине: опыт анализа дискурсивных практик. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 2001. 282 p.
12. *Лурье С.В.* Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М.: Академический проект: Альма Матер, 2003. 624 с.
13. *Жебраускас А.Л.* Понятие культурных констант и поиски ориентиров постсовременности // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. 2006. № 3 (20). С. 18–21.
14. *Костина Р.Г.* Концепты, константы и универсалии культуры: к вопросу интерпретации понятий // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2015. № 4 (29). С. 12–19.
15. *Румянцев О.К.* От редактора // Постигание культуры. М.: Рос. ин-т культурологии, 2002. Вып. 11. С. 3–6.
16. *Национальный корпус русского языка* // www.ruscorpora.ru
17. *Касавин И.Т.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008. 437 с.
18. *Руднев В.П.* Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. 384 с.
19. *Переверзев Е.В.* Современный культурологический анализ дискурса [Электронный ресурс] // Современный дискурс-анализ: Электронное изд. 2009. Т. 1, вып. 1. URL: <http://www.discourseanalysis.org/ada1/st5.shtml> (дата обращения: 10.10.2016).
20. *Гирц К.* Интерпретация культур / пер. с англ. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. 560 с.
21. *Кубрякова Е.С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 2004. Т. 63, № 3. С. 3–12.
22. *Резанова З.И.* Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс / З.И. Резанова, Л.И. Ермоленкина, Е.А. Костяшина и др.; ред. З.И. Резанова. Томск, 2010. С. 15–84.
23. *Карцева Л.В.* Городская и сельская культура как фактор социализации личности // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. 2010. № 1. С. 24–28.
24. *Кравченко А.И.* Культурология: учеб. пособие для вузов. 3-е изд. М.: Академический проект, 2001. 496 с.
25. *Блинова О.И.* Аспекты изучения народно-речевой культуры // Аванесовский сборник. М., 2002. С. 134–139.

26. Вендина Т.И. Диалектное слово: вчера, сегодня, завтра // Вестн. Костром. гос. ун-та. 2017. Т. 23. С. 44–49.
27. Гольдин В.Е. Диалектолог и носитель диалекта: ситуации неполного совпадения информационных баз коммуникантов // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 224–229.
28. Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сб. М., 2002. С. 58–64.
29. Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. Текст и знание в диалектной коммуникации // Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX). М., 2008. С. 398–413.
30. Гынгазова Л.Г. Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. Томск: UFO-PLUS, 2007. С. 78–109.
31. Демешкина Т.А. Способы описания концептов диалектной культуры // Картина мира: модели, методы, концепты: материалы Всерос. междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука». Томск, 2002. С. 59–67.
32. Демешкина Т.А. Когнитивно-дискурсивный анализ диалектного текста // Язык и метод 2: Русский язык в лингвистических исследованиях 21 века: Лингвистический анализ на грани методологического срыва / ред.: Д. Шумска, К.Озга. Краков, 2015. С. 137–146.
33. Калиткина Г.В. Диалектные словари как отражение традиционной культуры // Язык. Время. Личность. Мок, 2002. С. 544–549.
34. Калиткина Г.В. Междисциплинарные области диалектной лингвокультурологии // Сиб. филол. журнал. 2008. № 3. С. 181–191.
35. *Dialekt 2.0*. 7 Kongress der Internationalen gesellschaft fur Dialektologie und Geolinguistik. Wien, 2012.
36. Маслова В.А. Региональная лингвистика: проблемы и перспективы // Научные доклады высшей школы: филологические науки. 2015. Вып. 6. С. 3–8.
37. Калиткина Г.В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 296 с.
38. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та: ЗАО ТИД «Амфора», 2004. 312 с.
39. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство СПб, 2001. 438 с.
40. Неклюдов С.Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура. 2002. № 3. С. 3–7.
41. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. Ч. 1. 239 с.
42. Тубалова И.В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 370 с.
43. Эмер Ю.А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2011. 458 с.
44. Белоусов А.Ф. Городской фольклор: лекция для студентов-заочников. Таллин: ТПЕДИ, 1987. 26 с.
45. Неклюдов С.Ю. После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.
46. Неклюдов С.Ю. Устные традиции современного города: смена фольклорной парадигмы // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре. Studies in Slavic Folklore and Folk Culture / под ред. А. Архипова, И. Полинской. Вып. 2. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1997. P. 77–89.
47. Демешкина Т.А. Трансформация диалектной коммуникации под воздействием СМИ // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 413. С. 29–33.
48. Тубалова И.В. Инодискурсивные речевые формы в личностно-ориентированном диалектном тексте // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2016. № 6 (44). С. 68–82.
49. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. Ч. 2. 464 с.
50. Неклюдов С.Ю. Самобытность и универсальность в народной культуре (к постановке проблемы) // Геопанорамы русской культуры: провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 15–21.
51. Гынгазова Л.Г. Интерпретация мира языковой личностью диалектоносителя и ее реинтерпретация исследователем // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 295. С. 15–19.
52. Панова Л.Г. Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «рессато») // Логический анализ языка. Языки этики. М.: ИНДРИК, 2000. С. 167–178.

53. Гынгазова Л.Г. Концепт «Душа» в языке диалектной личности // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Томск, 2003. С. 151–155.

54. Гынгазова Л.Г. Концепты «Жизнь» и «Смерть» в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2003. Вып. 2, ч. 1. С. 103–111.

55. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания: Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.

56. Демешкина Т.А. Славянский компонент в самоидентификации жителя Сибири // Русин. 2015. № 3 (41). С. 90–107.

57. Гынгазова Л.Г., Иванцова Е.В. Трансформация сибирской пищевой традиции в дискурсе диалектной языковой личности: продукты и блюда // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2016. № 6 (44). С. 20–37.

DIALECT DISCOURSE AS A SPHERE OF NATIONAL CULTURE REPRESENTATION: CONSTANTS AND TRANSFORMATIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 50. 36–54. DOI: 10.17223/19986645/50/3

Tatyana A. Demeshkina, Inna V. Tubalova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru / tina09@inbox.ru

Keywords: dialect culture, dialect discourse, dialectological studies, locality, regionality, temporality.

The article aims to present a model for the analysis of dialect discourse based on the factors of the formation of dialect cultural specifics against the background of the national culture. The study uses findings of dialectological research experience generalisation.

The material for the article was records of the dialect speech of the Russian old-timers of the Middle Ob region made from 1946 to the present and stored in the Laboratory of General and Siberian Lexicography of Tomsk State University (<http://losl.tsu.ru/>), as well as studies of Tomsk dialectologists (including the authors of the article), carried out within the approach under discussion based on the material. In addition, data from the dialect subcorpus of the Russian Language National Corpus (<http://www.ruscorpora.ru/search-dialect.html>) were used.

The problem of objectifying the culturally specific content is relevant for various humanitarian studies of the 20th–21st centuries. Researchers focus on registers of culturally significant meanings expressed in the language identified within individual types of cultures, analysis of these meanings in the aspect of intercultural equivalence, identification of a culturally nonspecific component in the content of languages and forms of their linguistic representation.

The term “dialect culture” is interpreted in this article as the culture of dialect speakers, and, given the linguistic component of the term “dialect” (a form of a national language existence), it implies focusing on the specificity of culture reflected in its speech manifestations. As a significant form of the dialect culture representation, dialect discourse is considered which reflects its specificity expressed in the features of the discursive picture of the world, the principles of its internal organisation and the logic of the speech representation.

Specificity of the dialect culture can be described taking into account its special position in the system of nationally and culturally conditioned discourses, which presupposes reflection of moments of cultural unity (constants) and dialectal cultural specifics (transformations) in it.

The presented model of the analysis of dialect discourse is based on the following factors forming the specificity of the dialect culture:

(1) locality that opposes the dialect culture to the culture of literary language speakers (urban culture);

(2) regionality that opposes the culture of a specific dialect existing in a certain territory to the dialect culture of other territories;

(3) temporality that opposes different stages of dialect culture development.

The analysis of dialect discourse on the basis of this model makes it possible to identify general cultural (independent of the indicated factors) and dialectal cultural meanings and principles of their organisation.

References

1. Kozhemyakin, E.A. (2009) *Kontseptual'no-metodologicheskoe obosnovanie diskursnoy formy bytiya kul'tury* [Conceptual and methodological substantiation of the discourse form of the existence of culture]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Belgorod.
2. Svodesh, M. (1960) Leksikostatisticheskoe datirovanie doistoricheskikh etnicheskikh kontaktov [Lexical-statistical dating of prehistoric ethnic contacts]. *Novoe v lingvistike*. 1. pp. 23–52.
3. Svodesh, M. (1960) K voprosu o povyshenii tochnosti v leksikostatisticheskom datirovanii [On the issue of increasing accuracy in lexical-statistical dating]. *Novoe v lingvistike*. 1. pp. 53–87.
4. Saenko, M.N. (2015) Common innovations method in the Swadesh list as an approach to determine the degree of language relationship. *Vestnik St. PetersburgGU. Ser. 9 – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 1. pp. 124–136. (In Russian).
5. Kassian, A., Starostin, G., Dybo, A. & Chernov, V. (2010) The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification. *Journal of Language Relationship*. 4. pp. 46–89.
6. Starostin, S.A. (2007) *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 779–793.
7. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Translated from English. Moscow: Russkie slovari.
8. Wierzbicka, A. (1999) *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic universals and description of languages]. Translated from English. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
9. Stepanov, Yu.S. & Proskurin, S.G. (1993) *Konstanty mirovoy kul'tury. Alfavitnyye i alfavitnyye teksty v periody dvoeveriya* [Constants of world culture. Alphabets and alphabetical texts during the periods of two faiths]. Moscow: Nauka.
10. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
11. Sandomirskaya, I. (2001) *Kniga o rodine: opyt analiza diskursivnykh praktik* [A book about the homeland: the experience of analyzing discourse practices]. Vienna: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien.
12. Lur'e, S.V. (2003) *Psikhologicheskaya antropologiya: istoriya, sovremennoe sostoyaniye, perspektivy* [Psychological anthropology: history, current state, prospects]. Moscow: Akademicheskii Proekt, Al'ma Mater.
13. Zhebrauskas, A.L. (2006) Ponyatie kul'turnykh konstant i poiski orientirov postsovremennosti [The concept of cultural constants and the search for landmarks of postmodernity]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena. Aspirantskie tetradi*. 3 (20). pp. 18–21.
14. Kostina, R.G. (2015) Constants, concepts and universals of culture: the question of interpretation of definitions. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva*. 4 (29). pp. 12–19. (In Russian).
15. Rumyantsev, O.K. (ed.) *Postizheniye kul'tury* [Comprehension of culture]. Is. 11. Moscow: Russian Institute of Cultural Studies. pp. 3–6.
16. Russian Language National Corpus. [Online] Available from: www.ruscorpora.ru. (In Russian).
17. Kasavin, I.T. (2008) *Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedeniye v sotsial'nuyu epistemologiyu yazyka* [Text. Discourse. Context. Introduction to the social epistemology of language]. Moscow: Kanon+.
18. Rudnev, V.P. (1999) *Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary of Culture of the 20th century]. Moscow: Agraf.
19. Pereverzev, E.V. (2009) Sovremennyy kul'turologicheskiiy analiz diskursa [Modern cultural analysis of discourse]. *Sovremennyy diskurs-analiz*. 1:1. [Online] Available from: <http://www.discourseanalysis.org/ada1/st5.shtml>. (Accessed: 10.10.2016).
20. Geertz, C. (2004) *Interpretatsiya kul'tur* [Interpretation of Cultures]. Translated from English. Moscow: "Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN).
21. Kubryakova, E.S. (2004) Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoy lingvistiki [About the guidelines of cognitive science and topical problems of cognitive linguistics]. *Izvestiya AN. Ser. lit. i yaz.* 63:3. pp. 3–12.
22. Rezanova, Z.I. (2010) Diskursivnye kartiny mira [Discourse images of the world]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Images of the Russian world: modern media discourse]. Tomsk: ID SK-S.

23. Kartseva, L.V. (2010) City and Rural Culture as a Factor of a Personality's Socialization. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv.* 1. pp. 24–28. (In Russian).
24. Kravchenko, A.I. (2001) *Kul'turologiya* [Culturology]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii projekt.
25. Blinova, O.I. (2002) Aspekty izucheniya narodno-rechevoy kul'tury [Aspects of the study of folk-speech culture]. In: Pshenichnova, N.N. (ed.) *Avanesovskiy sb.* [Avanesov collection]. Moscow: Nauka.
26. Vendina, T.I. (2017) A dialect word – yesterday, today and tomorrow. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University.* 23. pp. 44–49.
27. Gol'din, V.E. (2000) Dialektolog i nositel' dialekta: situatsii nepolnogo sovpadeniya informatsionnykh baz kommunikantov [Dialectologist and dialect speaker: the situation of incomplete coincidence of information bases of communicants]. In: Demeshkina, T.A. (ed.) *Aktual'nye problemy rusistiki* [Topical issues of Russian studies]. Tomsk: Tomsk State University.
28. Gol'din, V.E. (2002) Dominanty traditsionnoy sel'skoy kul'tury rechevogo obshcheniya [Dominants of the traditional rural culture of verbal communication]. In: Pshenichnova, N.N. (ed.) *Avanesovskiy sb.* [Avanesov collection]. Moscow: Nauka.
29. Gol'din, V.E. & Kryuchkova, O.Yu. (2008) Tekst i znanie v dialektnoy kommunikatsii [Text and knowledge in dialect communication]. *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii.* III (IX). pp. 398–413.
30. Gyngazova, L.G. (2007) Fizicheskoe i dukhovnoe prostranstvo v diskurse nositelya traditsionnoy kul'tury [Physical and spiritual space in the discourse of the bearer of traditional culture]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v yazyke i tekste* [Images of the Russian world: spatial models in language and text]. Tomsk: UFO-PLUS.
31. Demeshkina, T.A. (2002) [Ways to describe the concepts of dialect culture]. *Kartina mira: modeli, metody, kontsepty: materialy Vseros. mezhdistsiplinarnoy shkoly molodykh uchenykh "Kartina mira: yazyk, filosofiya, nauka"* [The picture of the world: models, methods, concepts: proceedings of all-Russian interdisciplinary school of young scholars "Image of the world: language, philosophy, science"]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 59–67. (In Russian).
32. Demeshkina, T.A. (2015) Kognitivno-diskursivnyy analiz dialektного teksta [Cognitive-discursive analysis of the dialect text]. In: Shumska, D. & Ozga, K. (eds) *Yazyk i metod 2: Russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh 21 veka: Lingvisticheskii analiz na grani metodologicheskogo srzya* [Language and method 2: Russian language in the linguistic studies of the 21st century: Linguistic analysis on the verge of a methodological breakdown]. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
33. Kalitkina, G.V. (2002) Dialektnye slovari kak otrazhenie traditsionnoy kul'tury [Dialect dictionaries as a reflection of traditional culture]. In: Butakova, L.O. (ed.) *Yazyk. Vremya. Lichnost'* [Language. Time. Personality]. Omsk: Omsk State University.
34. Kalitkina, G.V. (2008) Mezhdistsiplinarnye oblasti dialektnoy lingvokul'turologii [Interdisciplinary areas of regional linguistics: problems and perspectives of dialect linguoculturology]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology.* 3. pp. 181–191.
35. International Society of Dialectology and Geolinguistics. (2012) *Dialekt 2.0. 7 Kongress der Internationalen gesellschaft fur Dialektologie und Geolinguistik* [Dialect 2.0. 7 Congress of the International Society of Dialectology and Geolinguistics]. Vienna.
36. Maslova, V.A. (2015) Regional linguistics: problems and perspectives *Nauchnye doklady vyshey shkoly: filologicheskoe nauki – Scientific Essays of Higher Education. Philology.* 2015. Vyp. 6. pp. 3–8. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.20339/PhS.6-15.003>
37. Kalitkina, G.V. (2010) *Ob "ektivatsiya traditsionnoy temporal'nosti v dialektnom yazyke* [Objectivization of traditional temporality in dialect language]. Tomsk: Tomsk State University.
38. Adon'eva, S.B. (2004) *Pragmatika fol'klora* [Pragmatics of folklore]. St. Petersburg: St. Petersburg State University; ZAO TID "Amfora".
39. Bogdanov, K.A. (2001) *Povsednevnost' i mifologiya: Issledovaniya po semiotike fol'klornoy deystvitel'nosti* [Everyday life and mythology: studies on the semiotics of folklore reality]. St. Petersburg: Iskusstvo SPB.
40. Neklyudov, S.Yu. (2002) Fol'klor: tipologicheskii i kommunikativnyy aspekty [Folklore: typological and communicative aspects]. *Traditsionnaya kul'tura.* 3. pp. 3–7.
41. Putilov, B.N. (1994) *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and folk culture]. Part 1. St. Petersburg: Nauka.

42. Tubalova, I.V. (2016) *Polifonicheskiy tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic text in oral person-oriented discourses]. Tomsk: Tomsk State University.
43. Emer, Yu.A. (2011) *Miromodelirovanie v sovremennom pesennom fol'klore: kognitivno-diskursivnyy analiz* [World modelling in modern song folklore: cognitive-discursive analysis]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
44. Belousov, A.F. (1987) *Gorodskoy fol'klor: Lektsiya dlya studentov-zaochnikov* [City folklore: Lecture for correspondence students]. Tallin: TPedl.
45. Neklyudov, S.Yu. (1995) Posle fol'klora [After folklore]. *Zhivaya starina*. 1. pp. 2–4.
46. Neklyudov, S.Yu. (1997) Ustnye traditsii sovremennogo goroda: smena fol'klornoy paradigmy [Oral traditions of the modern city: the change of the folklore paradigm]. In: Arkhipov, A. & Polinskaya, I. (eds) *Issledovaniya po slavyanskomu fol'kloru i narodnoy kul'ture* [Studies in Slavic Folklore and Folk Culture]. Vol. 2. Oakland: Berkeley Slavic Specialties.
47. Demeshkina, T.A. (2016) The transformation of dialect communication under the mass media influence. *Vestnik Tom. gos. un-ta – Tomsk State University Journal*. 413. pp. 29–33. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/413/4
48. Tubalova, I.V. (2016) Speech forms of other discourses in the personality-oriented dialect text. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (44). pp. 68–82. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/44/5
49. Putilov, B.N. (1994) *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and folk culture]. Part 2. St. Petersburg: Nauka.
50. Neklyudov, S.Yu. (2004) Samobytnost' i universal'nost' v narodnoy kul'ture (k postanovke problemy) [Identity and universality in popular culture (to the formulation of the problem)]. In: Zayonts, L.O. (ed.) *Geopanoramy russkoy kul'tury: provintsiya i ee lokal'nye teksty* [Geopanoramas of Russian culture: the province and its local texts]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
51. Gyngazova, L.G. (2007) Interpretatsiya mira yazykovoy lichnost'yu dialektonositelya i ee reinterpretatsiya issledovatelem [Interpretation of the world by the language personality of the dialect speaker and its reinterpretation by the researcher]. *Vestn. Tom. gos. un-ta – Tomsk State University Journal*. 295. pp. 15–19.
52. Panova, L.G. (2000) Grekh kak religioznyy kontsept (na primere russkogo slova “grekh” i ital'yanskogo “peccato”) [Sin as a religious concept (on the example of the Russian word “sin” and Italian “peccato”). In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki etiki* [Logical analysis of the language. Ethics languages]. Moscow: INDRIK.
53. Gyngazova, L.G. (2003) Kontsept “Dusha” v yazyke dialektnoy lichnosti [Concept “Soul” in the language of the dialect personality]. In: *Teoreticheskie i prikladnye aspekty filologii* [Theoretical and applied aspects of philology]. Tomsk: Tomsk State University.
54. Gyngazova, L.G. (2003) Kontsepty “Zhizn” i “Smert” v yazyke dialektnoy lichnosti [Concepts “Life” and “Death” in the language of the dialect personality]. In: Demeshkina, T.A. (ed.) *Aktual'nye problemy rusistiki* [Topical issues of Russian studies]. Vol. 2. Pt. 1.
55. Demeshkina, T.A. (2000) *Teoriya dialektnogo vyskazyvaniya. Aspekty semantiki* [The theory of dialect utterance. Aspects of semantics]. Tomsk: Tomsk State University.
56. Demeshkina, T.A. (2015) Traits of the Slavic Identity in the Self-Identification of a Siberian Native. *Rusin*. 3 (41). pp. 90–107. (In Russian). DOI 10.17223/18572685/41/7
57. Gyngazova, L.G. & Ivantsova, E.V. (2016) Transformation of the Siberian food tradition in the discourse of a dialect language personality: products and dishes. *Vestnik Tom. gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6(44). pp. 20–36. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/44/2